

28 декабря. Лаврентия

Привет, Вероника!

Я по-прежнему в Лаврентия и до Нового года едва ли отсюда выберусь.

Вчера впервые увидел северное сияние. Каждый вечер ждал его в Билибино, затем в Анадыре, а дождался только в Лаврентия. Я бы мог о нем рассказать, но не в письме. Здесь в помощь нужны жестикуляция, мимика, вздохи и ахи. Все изображения северного сияния и тысячной доли не отражают, чем в действительности оно является, потому что сияние все время в движении и изменении.

Представь: откуда-то из-за сопки восходит к звездному небу светящийся полупрозрачный серпантин из тончайших вертикальных штрихов. Он движется, колыхается, волнуется, образует кольца и полукруги, затем разматывается, а дойдя до залива, застывает и бесследно растворяется, поглощаемый мраком ночи. А вслед появляются и плывут по небу новые спирали... Словно балуется курильщик, пуская кольца табачного дыма.

Лаврентьевцы к подобному чуду привыкли и даже не поднимут голову, чтобы на него взглянуть. Они считают северное сияние вредным и предпочитают в это время находиться дома. Необычно ведет себя и дым, выпускаемый трубами котельных. Он пытается соперничать с таинственным явлением природы, для чего поднимается к небу и там выписывает уродливые кренделя, временами сливаясь с северным сиянием. Так заносчивая курица хлопает крылышками, надеясь присоединиться к уходящему за горизонт косяку журавлей. Когда же сияния нет, дым лаврентьевских котельных ведет себя спокойно, монополюсно «украшая» небо над поселком и заливом.

...Ночью никак не усну. Сначала пишу, а когда не остается сил — слушаю радиоприемник. В основном средние волны, которые заполнены английской речью, джазом, музыкой кантри и добрым старым роком, в Европе уже забытым. Наедине с радиоволнами чувствую могучее дыхание иного и недоступного мира, слышу эхо чего-то огромного, мощного и значительного, существующего не с нами и не для нас; в фиолетовом индикаторе радиоприемника вижу широкие освещенные автострады, уходящие в глубь чужого континента, бесчисленные роскошные автомобили и равнодушные лица их владельцев; за шумом радиопомех слышу гул огромных боингов, в креслах которых развалились беззаботные обитатели гигантской страны; глядя вместе с ними в иллюминатор, вижу большие города, сияющие огнями витрин и реклам, афишами театров и кино, музеев и вернисажей, блеском аттракционов и переполненных стадионов; слышу бесконечную речь и нескончаемый смех... Это манит, зовет, соб-

лазняет, призывает бросить всё и устремиться туда, к ним, чтобы жить, как и они, счастливо и беззаботно, предаваясь не только делу, но и утехам, жить, не беспокоясь о завтрашнем дне, да что там... о следующей минуте. И невольно думаешь о тех, кто, набравшись смелости, все же решился избавить своих детей и внуков от унижительной участи: ежечасно выживать или глядеть на то, как выживают другие. И вчерашний аргумент — «кому мы там нужны?» — не успокаивает, потому что где еще мы так не нужны, как в своем отечестве?

А что если набраться сил, пролететь всего полсотни миль и оказаться на другом берегу, окунуться в иную жизнь, с иным мирозданием, другим ритмом, другими нравами, со всем тем, чего здесь нет и никогда не будет?

...И слава Богу, что нет, и хорошо, что не будет! Ведь воздерживаемся лишь потому, что не имеем соблазнов, праведны оттого, что никто не искушает, и дорожим своим бытием только потому, что иного не знаем, а смерти не боимся потому, что не ведаем, что значит жить...

Каждый день прохожу мимо сарайчиков, которые сторожит здоровенный пес на привязи. Что за порода — не знаю, но таких огромных и шерстистых я еще не встречал. Если прирастить к нему бивни — впотьмах сойдет за мамонта. Появись такой пес в Москве или в Париже, его бы сделали героем светских хроник, увешали медалями и закормили, он бы распух от консервов и превратился в гигантскую болонку, которая, развалившись на дорогом диване, скоро бы подохла от тоски. Но здесь, в Лаврентия, на привязи у сарайчика, этот пес — на месте. Ему не надо ни лаять, ни рычать, ни тем более кого-то кусать. Достаточно просто быть, и этого довольно, чтобы никто и близко не подошел. Пёс это понимает и потому ничего, что должна была бы совершать сторожевая собака, не делает. Лишь молча сидит.

Сегодня я наблюдал, как этот пес лениво грыз две замерзшие буханки. Рядом с ним кормился теми же буханками маленький щенок, совершенно круглый и не по возрасту шустрый. Неподалеку сидели, наблюдая за трапезой и облизываясь, две голодные тощие собаки. Разумеется, мысль принять участие в трапезе не могла прийти в их собачьи головы. Здоровенный пес не отгонял щенка, понимая, что много тот все равно не съест, зато все вокруг (и не только собаки) будут знать, какой он покладистый по отношению к младшим. За добрую репутацию плата ничтожная, а авторитет у него и без того самый большой в Лаврентия и, быть может, на всей Чукотке. Вообще, трудно вообразить, чтобы существовали собачьи морды еще большие. Ученые-скептики утверждают, что жизнь на Земле уникальна и мы

одинок в мире звезд. Если так, то морда эта — самая большая во Вселенной!

У меня еще с Москвы припасена колбаса, и я дал по два кружочка голодным собакам. Они, словно ошалевшие, бросились на этот смехотворный корм. Так вот, на шум и в надежде заполучить угощение примчался щенок, без раздумий оставив покровителя. Тот, возможно, приперся бы и сам, но был на привязи.

Я говорю маленькому наглецу: «Что же ты? Там кормишься, а теперь прибежал сюда, хотя этим несчастным и без того мало!»

Но щенок смотрел на меня непонимающе и лишь ждал, когда же я его угощу. В конце концов выпросил кусочек колбасы и моментально сжевал. Я обратил внимание, что взгляд и повадки у него далеко не детские. Он уже достаточно матер, готов к борьбе за выживание, и я не сомневаюсь, что выживет. А поступает так не по наглости, а от нужды, которая мало красит даже безобидных щенков. Я перестал интересоваться его в тот самый миг, когда закончилась колбаса. Собаки еще пребывали в надежде, а щенок уже побежал к своему покровителю, доедать еще и там.

Здоровенный пес не прогнал щенка, не упрекнул, он лишь посмотрел на него грустно, понимая, что всякое воспитание здесь бесполезно.

Каждый день звоню в роддом, а через день захожу. Пока — ничего утешительного.

Все, с кем я разговаривал, подтверждают, что сейчас родить в тундре и остаться незамеченной сложно. Одна пожилая эскимоска рассказала, что у них женщины рожали, сидя над большим сосудом, сделанным из коры и кожи. (Эти сосуды привозили с Аляски.) Повитухи были искусными и выправляли плод, если он был расположен неправильно. Роженица редко умирала во время родов. Другая эскимоска, жившая еще в Наукане, вспоминает, что, когда приходила повитуха, мужчины должны были немедленно покинуть

ярангу, прихватив охотничье снаряжение. По старинному преданию, если оружие останется при родах, в будущем новорожденный не сможет добывать морского зверя. Как только ребенок появлялся на свет, ему давали вареный жир моржа, чтобы он его сосал, пока у матери не появится молоко. Пожилая чукчанка из Лорина — Раиса Николаевна, родившая шестерых, рассказывает, что она и другие женщины из их поселка часто рожали без чьей-либо помощи.

Выпытать что-либо о деторождении из чукотских женщин непросто. Гораздо словоохотливее акушерки. Они здесь как на подбор: высокие, темноглазые, ни у одной нет и тени уныния, и почти все — украинки. Они с охотой рассказывают о том, как принимали роды, словно это не тяжкий труд, а отдых. Не знал, что акушерство может стать увлечением и даже страстью.

До Чукотки я лишь однажды разговаривал с акушеркой. Это была Вера Станиславовна — старейшая и опытнейшая акушерка, принявшая роды у доброй половины торжокских мам. Помню, она благодарила меня за какую-то статью, и я почувствовал в ее руке такую силу, будто поздоровался с крепким мужчиной. Я спросил: неужели это связано с профессией? Вера Станиславовна рассмеялась и сказала, что руки у нее сильные оттого, что в жизни пришлось много потрудиться. К профессии это прямого отношения не имеет, хотя усилия в акушерстве нужны, и не малые. Но еще больше эта профессия требует умения. «А то можно шею сломать», — весело сказала Вера Станиславовна.

Все лаврентьевские акушерки — сильные и крепкие. Одна из них — Валентина Николаевна работает здесь уже семнадцать лет. Ее теперь мало чем удивишь, но когда только приехала... До Лаврентия Валентина работала в Мариуполе. Кроме украинок и русских, принимала роды у цыганок, гречанок, евреек и даже у кубинки, поэтому считала себя уже опытной акушеркой. Все-таки шестилетний стаж в современном роддоме на сто пятьдесят коек! (В Лаврентия всего на десять.) И когда здешние акушерки

поведали, что чукчанки и эскимоски во время родов не кричат и даже не стонут, она была шокирована: «Как не кричат? Хохлушки, еврейки и особенно гречанки кричат, а чукчанки нет?!» Валентину предупредили, что они обычно не жалуются на боли и могут родить прямо в кровати. Ей даже посоветовали не отпускать рожениц одних в туалет. «Боже! Страх какой!» — вспоминает Валентина Николаевна.

Однажды, во время дежурства, она осматривала чукчанку, спрашивала, болит ли живот, и та отвечала, что, мол, все в порядке, не болит. Вдруг, за полночь, чукчанка подходит и говорит:

— Ой! Сейчас рожу.

— Как это, родишь? — спохватилась Валентина. — Ты же десять минут назад говорила, что ничего не болит!

Только уложила роженицу на кушетку, как ребенок, вместе с водами, с пузырем, шмыг — и вылетел наружу. Чукчанка даже не «дулась». Удивлению акушерки из Мариуполя не было предела: «Куда я попала!»

Уже потом, проработав некоторое время, Валентина поняла, сколь легко с коренными женщинами, какие они замечательные роженицы, как они слушаются, выполняют указания врачей, помогают во всем, какие умницы в сравнении с материковыми роженицами, которые кричат, вытаращив глаза, и от этого ребенок пугается. Сама Валентина рожала здесь же, в Лаврентия, и принимали у нее роды коллеги. Говорят, кричала так, что крыша дрожала. И за то, что чукчанки и эскимоски такие терпеливые и мужественные, Валентина их полюбила и души в них не чаёт. Что бы о них ни говорили, для неё нет на свете лучших женщин.

И еще. Она говорит, что за семнадцать лет работы не было случая, чтобы чукотская мать отказалась от ребенка. Ни раньше, когда на Чукотке жилось легче, ни сейчас, когда им тяжело. Бывало, к сожалению, другое. Они пьют, и случалось, хмельная женщина засыпала и грудью закрывала ребенку лицо. Тот задыхался... Бывало, они напивались, оставляли дитя без присмотра, и голодные

собаки его загрызали. Чукчанки могут быть невнимательными, бездумными, бесшабашными, но ни одной не придет мысль отказаться от ребенка. По словам Валентины Николаевны, среди чукчанок считается престижным родить от русского: дети получаются красивыми и умными. В каждом селении есть свой «гладиатор», которым гордятся, причем у чукчанок нет претензий к мужчине, который стал отцом ее ребенка. Она может и не сказать, от кого родила. У них нет умысла «повязать» мужчину ребенком. Чукчанки — преданные и смиренные, не борются за главенство в семье, и рядом с нею всякий мужчина чувствует себя королем.

«Славные люди, — говорит о чукчах и эскимосах Валентина Николаевна. — Они появляются на свет по-особенному, легко, и уходят из жизни тоже без надрыва и трагизма. Когда было голодно, старики, чтобы выжили молодые, добровольно уходили из жизни, для чего носили на шее удавочку». Валентина читала об этом у Юрия Рытхэу.

Коллеги Валентины — Светлана Геннадьевна и Виктория — также говорят о своей профессии восторженно и ни на какую другую ее не променяют. Наверное, у каждого из нас есть тайна, которую видит, понимает и чувствует лишь тот, кто первым, еще прежде матери, берет нас на руки.

...Сколько возвышенных строк посвящено смерти! Сколько дерзких замыслов и откровений родилось у смертного одра при созерцании бесчувственного тела! А как заманчиво перейти этот порог и узнать: что за ним? Но что сказано о рождении и много ли о том подумано? Разум — бессилён, а слова самого искусного мастера — недостаточны. Что за чувство вырывается вместе с новорожденным! Одно слово — Радость! Выразить её можно лишь криком, при первом вздохе, и только один раз. Не потому ли древние законы Севера наказывают роженицам молчать, чтобы первый крик Радости был слышнее в бескрайнем безмолвии тундры?..

Я просил акушерок, чтобы они «родили» младенца в первый час после Нового года, убеждал, что это очень важно. Да они и сами хотят, чтобы здесь, в Лаврентия, родился первый младенец двухтысячного года. Сколько бы радости и надежды принесло это событие...

Науканская эскимоска Маргарита Сергеевна со слезами говорит: «Если бы родился у нас такой ребеночек, я бы пожелала, чтобы он был здоровым и хорошим, чтобы он рос, получил образование и здесь, на Чукотке, начал строительство большого города. И чтобы в этот город переселились все разбросанные по тундре чукчи и эскимосы... Чтобы возродилась наша культура, которой мы гордились и гордимся, и чтобы весь мир услышал наши песни, увидел танцы, узнал быт наших охотников и оленеводов. В этом городе мы будем ходить только в народной одежде. И еще важно сохранить наш язык. Вот что я желаю и чего жду от первого младенца двухтысячного года».

Как видишь, ожидания велики, да шансы малы. С наступающим Новым годом!

**Из книги В.Н.Жука «Мать и дитя»,
4-е изд., С.-Петербург, 1891:**

«...Этнографическія исследованія Плосса показали, что нетъ такого положенія, которое было бы общимъ при родахъ у первобытныхъ народовъ. Напротивъ, въ этомъ отношеніи существуютъ самыя странныя "моды". Такъ въ Германіи съ давнихъ поръ существовалъ обычай разрешаться отъ бремени въ особенныхъ родильныхъ креслахъ; но по-ложеніе роженицы въ нихъ таково, что и следить за нею труднее, и

нельзя хорошо поддерживать промежность, вследствие чего часто являются разрывы ея. Въ Голландіи каждой невесте, вместе с приданымъ, давали подобное кресло. Прототипомъ кресель следуетъ считать обычай рожать на рукахъ у мужчины или другой женщины, бывший прежде въ ходу и въ Европе и теперь еще сохранившійся у бедуиновъ. У голладцевъ былъ даже особенный классъ женщинъ, служившихъ живыми родовыми креслами (назывались они "schoosters"). Точно так же неудобно во всехъ періодахъ родового акта и распространенное между англичан-ками положение роженицы на левомъ боку, съ согнутымъ туловищемъ и притянутыми бедрами. У насъ такъ чаще всего кладутъ первородящихъ (или когда схватки очень сильны), чтобы такимъ образомъ помешать роженице натуживаться, отъ чего она не в силахъ удержаться. Вообще же въ Россіи, во Франціи и въ Германіи рожаютъ на спине съ приподнятой верхней частью туловища и согнутыми ногами, упирающимся въ туго скатанное одеяло. Руки придерживаются за полотенце, укрепленное къ спинке кровати...

...По Осіандеру, готтентотки разрешаются на корточкахъ. Подобный же обычай существуетъ и поныне между черкешенками, персианками и у многихъ народовъ, стоящихъ на низкой ступени развитія. Теперь на корточкахъ разрешаются лишь те женщины, которыхъ роды застигнутъ неожиданно.

У некоторыхъ народовъ рожаютъ въ стоячемъ положеніи, несмотря на все неудобство и даже на невозможность, по мнѣнію некоторыхъ авторовъ, разрешиться стоя. Такъ рожаютъ жены индусовъ, поддерживаемыя съ боковъ двумя женщинами. Негритянки (на Филиппинскихъ островахъ) упираютъ только животъ въ бамбуковую трость. Та же мода господствуетъ у негровъ Центральной Африки, у боеровъ въ

Капландіи, у индейцевъ Северной Америки. Наконецъ, у дикихъ племень Южной Америки роженица привязывается въ висячемъ положеніи къ дереву, подобно тому, какъ въ Германіи и Англійи существовалъ следующийъ обычай: здоровый мужчина держалъ роженицу "на лету", или же она разрешалась, вися на шее другой женщины...

...Прорезываніе головки составляетъ наиболее болезненный моментъ родовъ, и большинство родильницъ съ трудомъ переносятъ его — мечутся и громко стонуть. При этомъ возникаетъ неудержимое желаніе жилиться и вырабатывать потуги, которые именно въ это время наиболее помогаютъ окончанію родовъ. Сокращения матки достигаютъ своей наибольшей силы и повторяются черезъ короткіе промежутки. Роженица жалуется на сильныя боли въ крестце, которыя переходятъ даже на бедра. Отъ сильнаго напряженія потъ выступаетъ по всему телу. Лицо краснеетъ, губы и веки припухаютъ, взоръ становится блуждающимъ, черты лица искажаются. Роженица чувствуетъ сильную жажду, а когда боли достигаютъ наивысшей степени, является даже дрожаніе членовъ (отчего и боли называются «потрясающими»), иногда даже и рвота. Но все это быстро проходитъ, какъ только головка прорезалась...

...ПЕРВЫЙ КРИКЪ ребенка безспорно производитъ на него очень благотворное вліяніе. При немъ усиливается кровообращеніе, что такъ важно въ первый моментъ земной жизни, поднимаются дыхательныя мышцы — и воздухъ входитъ въ отдаленнейшія части легкихъ, вследствие чего грудная клетка, а вместе съ нею и легкія — сильнее расширяются. Но и помимо того вліянія, какое онъ оказываетъ на деятельность легкихъ и сердца, очищая воздухоносныя пути отъ скопившейся слизи и постороннихъ

веществъ, ускоряя движеніе волнь крови, крикъ возбуждаетъ нервную деятельность всего организма, вызывая этимъ путемъ мышечные движения, заканчивающіеся утомленіемъ и испариной, — следовательно, действуетъ подобно физическому упражненію взрослога...»